

Топка Лариса Владимировна, Иванова Татьяна Васильевна

ЗНАК-СИТУАЦИЯ "ШАНТАЖ": ОБЛАСТЬ РЕФЕРЕНЦИИ

В статье рассматривается знак-ситуация "Шантаж" и его лексема-репрезентант blackmail. Областью референции данного знака-ситуации является совокупность коммуникативных взаимодействий, где для идентификации ситуации как шантаж требуются определенные интерпретативные усилия со стороны адресата или интерпретатора, поскольку план его (знака) содержания осложнен множеством смыслов, а наличие лексемы blackmail в плане его выражения факультативно.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 181-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'1

*В статье рассматривается знак-ситуация «Шантаж» и его лексема-репрезентант *blackmail*. Областью референции данного знака-ситуации является совокупность коммуникативных взаимодействий, где для идентификации ситуации как шантаж требуются определенные интерпретативные усилия со стороны адресата или интерпретатора, поскольку план его (знака) содержания осложнен множеством смыслов, а наличие лексем *blackmail* в плане его выражения факультативно.*

Ключевые слова и фразы: знак-ситуация; область референции; шантаж; интерпретанта; инвариантный смысл.

Топка Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент

Иванова Татьяна Васильевна

*Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета
lavtop@list.ru; kjaerlighet.86@mail.ru*

ЗНАК-СИТУАЦИЯ «ШАНТАЖ»: ОБЛАСТЬ РЕФЕРЕНЦИИ

Традиционное деление семиотики на семантику, синтактику и прагматику служит основой для исследования той или иной стороны языковой сущности, в рамках которого, оперируя терминами «знак», «означаемое» (план содержания) и «означающее» (план выражения) исследователю удается вскрыть основные механизмы взаимодействия смыслового наполнения языкового феномена и его актуализации в речи. Язык представляет собой знаковую систему, однако сам термин «знак» не имеет однозначной трактовки в лингвистике. Одни ученые определяют его как одностороннюю и материальную сущность, другие, вслед за Ф. де Соссюром, как сущность двухстороннюю и психическую, некоторые исследователи утверждают, что знаковость присуща многим единицам языка и речи, «...поскольку они обнаруживают все признаки знака: имеют материальный план выражения; являются носителями некоторого мыслительного содержания (значения); находятся в условной связи с тем, на что они указывают...» [1, с. 6].

Минимальной единицей знаковой системы, наиболее изученной в лингвистике, выступает слово (лексема), поскольку именно в нем в ёмкой форме зафиксирован этноспецифический когнитивный опыт предшествующих поколений, и иногда «исследование семантики одного-единственного слова открывает двери в культурно-исторические и социально-психологические глубины, прочие пути в которые либо в принципе невозможны, либо утрачены» [15, с. 266].

Однако существуют и другие лингвистические феномены, обладающие знаковой природой, более сложные по сравнению с лексической единицей, например, речеповеденческая ситуация, которая, по аналогии со словом, фиксирует некий фрагмент объективно существующей реальности, будучи абстрактным семантическим образованием, смысловой структурой, составленной из определенного набора семантических долей, имеющих социальную природу и национально-культурную специфику. Элементы, формирующие ситуацию, являют собой многоуровневую конструкцию, описание которой происходит с использованием принципа логической систематизации (см. подробнее: [12]).

Рассматриваемая нами речеповеденческая ситуация «Шантаж» как сложное смысловое явление, сформированное прагматически обусловленным комплексом семантических долей, представляет собой знак-ситуацию, базовым репрезентантом которого на лексическом уровне (одной из единиц плана выражения) выступает лексема *blackmail*. Семиотическое пространство данной ситуации как комплексного языкового знака «характеризуется областью отношений, обусловленных совокупностью семантической репрезентации, прагматических особенностей контекста рассмотрения, а также анализа языковых средств составляющих ее сегментов» [13, с. 170].

Идея о возможности систематизации языкового, а точнее, речевого материала в сфере семантики на основе черт национальной психологии народа была воплощена представителями лингвокультурологического направления отечественной когнитивной лингвистики Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, определяющими язык как универсальную форму первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта.

В основе такой систематизации лежит тактико-ситуативный подход, возникший в русле социолингвистического и страноведческого аспектов современной лингвистической семантики; его методика базируется на «понятии семантической доли, понимаемой как неделимый (на данном уровне абстракции) смысл, который входит как часть в иной, объединяющий смысл» [4, с. 56]. Способ вычленения доли аналогичен механизму установления компонентов лексического смысла в практической лексикологии – через исследование значительного по своему объему, однородного и контекстно обусловленного фактологического материала посредством сведения в единую классификационную рубрику множества высказывательных моделей, различных по конкретной функционально-коммуникативной семантике, но обнаруживающих явное сходство в коммуникативно-установочном плане речи.

В западной лингвистике широкую известность получила так называемая семиотическая или стратификационная модель ситуации М. А. К. Халлидея и её составляющие – поле (field of activity) – предметная область коммуникативного взаимодействия, тональность (tenor) – область социального или, другими словами, статусно-ролевого взаимодействия, а также вид или формат (mode) – коммуникативный канал интеракции [18, р. 33].

Нельзя не отметить концептуальное сходство речеповеденческой и стратификационной моделей вышеуказанных ситуаций, обусловленное объективными потребностями точного и полного описания ситуации коммуникативного взаимодействия в семиотическом аспекте, то есть как знака.

Американский философ и логик Ч. С. Пирс определял знак достаточно широко, как то, что «...замещает собой нечто для кого-то в некотором соотношении или качестве» [10, с. 46], косвенно подчеркивая роль индивида, интерпретирующего языковое или неязыковое явление. В саму структуру семиозиса ученый включал знак, объект и интерпретант, понимаемый как новый (виртуальный) знак, появляющийся в сознании индивида, как первый мыслительный образ, возникающий при восприятии актуального знака, как определенная реакция индивида на знак актуальный, что соответствует понятию «означаемое» в структуре семиозиса Ф. де Соссюра. «Суть воззрений Ч. С. Пирса состояла в том, что природа и характер знака должны определяться в непосредственном отношении к пользователю...» [5, с. 48], поскольку сам знак является наилучшим способом выделения фрагментов человеческого опыта, фиксируя собой определенную часть реальности.

Другой ученый-семиотик, Ч. У. Моррис, утверждал, что любой объект может участвовать в знаковом процессе, а значит, быть знаком. Семиотическая триада Ч. У. Морриса включает три измерения знакового процесса или семиозиса: семантическое (отношения между знаками и тем, что они обозначают), синтаксическое (отношения знаков друг к другу) и прагматическое (отношения знаков к их интерпретаторам). Описывая компоненты семиозиса и указывая на то, что свойства знака приобретаются именно в процессе знакообразования и являются относительными, ученый подчеркивал в нем ведущую роль интерпретатора, а также то воздействие, которое знак на него оказывает, т.е. интерпретанту (см. подробнее: [8, с. 47]). Вышеназванные ученые-семиотики сформировали классическое представление о знаковой ситуации вообще и о её элементах в частности.

Знак представляет собой единство трех элементов: означаемого (план содержания), означающего (план выражения) и денотата или референта. Означаемым исследуемого нами знака-ситуации «Шантаж» выступает отраженный в сознании индивида смысл шантажа, который «остается инвариантным при всех трансформациях текста» [7, с. 12], это так называемый «перифрастический смысл знака», что коррелирует с утверждением А. В. Бондарко о «самой общей идее соотношения конкретных явлений, выступающих в речи, и глубинных закономерностей, заложенных в языковой системе, – тех закономерностей, которые не лежат на поверхности и должны быть “выведены” в результате анализа, выявляющего в вариантах инвариантную основу» [3, с. 164], а означающим или планом выражения знака-ситуации – совокупность вербальных и невербальных средств его репрезентации, в числе которых находится и лексема *blackmail*, имеющая статус базового репрезентанта.

Будучи минимальным языковым знаком, виртуальным и объективным, лексема *blackmail* является единицей первого, семиотического, способа означивания в терминологии Э. Бенвениста [2, с. 87-88], поскольку без труда опознается интерпретатором и идентифицируется с понятиями, которые обозначает, выполняя референциальную функцию, указывая на связь «объекта с тем речевым актом, о котором в нем идет речь» [9, с. 9].

Означающее или план выражения единицы *blackmail* как лексемы-репрезентанта ситуации шантажа является знаковая форма «blackmail» (акустический образ в терминах Ф. де Соссюра), а означаемым или планом содержания, мыслительным соответствием денотату, – закрепленные за ней значения (понятие). Семантические особенности лексемы-репрезентанта *blackmail* – это виртуальная актуализация знака. Данная лексема, являя собой пример означивания прототипической ситуации шантажа, отчасти представляет собой знак-индекс, отсылая интерпретатора к обозначаемому им (знаком) объекту и утверждая прагматическую обусловленность референции, которая не сводится к учитыванию смыслов явления, но, так же как и смысл, находится в зависимости от говорящего субъекта.

В отличие от знака *blackmail* речеповеденческая ситуация «Шантаж» – это комплексный языковой знак, знак-ситуация, который относится к единицам вторичного, семантического, способа означивания. Коррелируя с продуцируемыми им смыслами, данный знак является субъективным и актуальным. При этом идентификация ситуации как шантаж требует определенных интерпретативных усилий со стороны адресата или интерпретатора, поскольку наличие самой лексемы *blackmail* в ее пространстве является факультативным:

Do you think maybe the police would be interested in that story, Mr. Demiris? If they aren't, maybe the press would be, huh? I can see the headlines now, can't you? <...> Constantin Demiris was sitting rigid in his chair. When he spoke his voice was hoarse: What is it you want [21, p. 216]? / Как Вы думаете, может быть, полиция заинтересуется этой историей, господин Демирис? Ну, если не полиция, то может быть пресса, а? Я уже вижу газетные заголовки, а Вы? <...> Константин Демирис неподвижно сидел в своем кресле. Когда он заговорил, его голос был хриплым: Что Вы хотите? (Здесь и далее перевод авторов – Л. Т., Т. И.)

В вышеприведенном примере шантажирующий субъект, наркоторговец, угрожая адресату, финансовому магнату, разглашением компрометирующей его информации, пытается склонить его к сотрудничеству. «Шантаж» как потенциально конфликтная ситуация, как правило, отражает статусное неравноправие участников коммуникативного взаимодействия, а именно намеренное снижение статуса адресата говорящим субъектом, которое можно объяснить бенефактивной целью, его стремлением получить некую (не всегда материальную) выгоду, а также желанием унижить шантажируемого, поставив его в зависимое от себя положение (см. подробнее: [14, с. 179-180]).

К области референции знака-ситуации «Шантаж» могут быть также отнесены и другие ситуации, номинируемые лексическими единицами, которые, в отличие от лексемы *blackmail*, определяют непрототипические ситуации шантажа: эмоциональный шантаж *emotional blackmail*, шантаж в сфере политики *graymail*, бизнеса *whitemail*, *greenmail*, в области гендерных отношений *pinkmail*, а также ситуации угрозы *threat*, манипуляции *manipulation* (о соотношении шантажа и манипуляции см. подробнее: [6]) и вымогательства *extortion*:

MILES: Then you know he's put a lot of time and energy into finding you. So now I've found you. And I can tell him exactly where you are. Or I can lie, and tell him you were already dead. I'd be willing to do that, for 3.2 million dollars.

BEN: You've arranged this meeting so you could blackmail me?

MILES: [his lips move silently for a moment] It's extortion if you want to get technical [19] /

МАЭЛС: Теперь ты знаешь, как много времени и сил он потратил на твои поиски. Итак, я тебя нашел. И могу сказать ему, где именно ты находишься. Или я могу солгать, сказав ему, что ты уже мертв. Я готов это сделать за 3,2 миллиона долларов.

БЭН: И ты устроил эту встречу, чтобы иметь возможность меня шантажировать?

МАЭЛС: [на мгновение его губы беззвучно задвигались] Это вымогательство, если быть формально точным.

Знак-индекс *blackmail*, а также знаки *graymail*, *whitemail*, *greenmail*, *pinkmail*, являя собой специфическую, а именно «семиотическую закономерность» (см. подробнее: [16, с. 195]), объединены признаком «бенефактивная цель говорящего субъекта» и противопоставлены друг другу признаком «сфера деятельности»: юриспруденция, политика, экономика, секс, зафиксированном в цветовом компоненте: *black* /чёрный/, *gray* /серый/, *white* /белый/, *green* /зеленый/, *pink* /розовый/, номинирующем, соответственно, разные виды шантажа в зависимости от характера заложеного в них ценностного значения. Появление лексем с «нечёрным» компонентом было обусловлено не в последнюю очередь негативным отношением к черному цвету как нравственно-му символу в англоязычной культуре, а также к феномену шантажа как порицаемому и уголовно наказуемому обществом явлению:

Joe, you are blackmailing people!

"Blackmail" is such a negative term. I prefer "mail of color" [20] /

Джо, ты шантажируешь людей!

«Шантаж» – это слишком негативное понятие. Я предпочитаю «цветную почту». */mail of color* дословно означает – *почта определенного цвета*, где *mail* – почта и *color* – цвет/ (прим. автора – Т. Л.).

Вышеперечисленные знаки-индексы репрезентируют в своей совокупности пространство «плана выражения» содержательно осложненной единицы более высокого уровня – знака-ситуации «Шантаж», маркированного множественностью интерпретаций.

Знак-ситуация «Шантаж» – это знак-символ («символ есть знак, который утрачивает особенность, делающую его знаком, в отсутствие интерпретанты» [10, с. 218]), поскольку имеет конвенциональный характер, а его значение указывает на значимость феномена шантажа не для одного конкретного индивида, а для общества в целом. Совокупность знаний о данном феномене, представление о его сущности, другими словами, концепт данного знака, позволяет определить его и в отсутствие лексем-репрезентантов, являя собой такое положение дел, при котором именно «означающее» определяет «означаемое». В знаковой ситуации шантажа главенствующим элементом является интерпретанта или, в терминах Ч. У. Морриса, «навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты, существенные для непосредственной проблемной ситуации, как если бы они были налицо» [8, с. 64].

Ч. У. Моррис формулирует данный феномен как «учитывание определённых свойств объекта (иначе говоря, десигната), тип поведения в качестве реакции на знак, предрасположенность к реакциям того или иного рода под воздействием знака, к определённой реакции на определённый вид объекта при определённых условиях, в которых встречается знак. Интерпретанта может реализоваться в виде актов управления собственным поведением или поведением других людей» (см. подробное сравнение неоднозначного понимания интерпретанты основоположниками семиотики в работе И. П. Сусова «Семиотические истоки прагматики»: [11]).

Поскольку знаки-символы обладают не только конвенциональными, но и иконическими характеристиками, знак-символ для отправителя может стать знаком-индексом для интерпретатора, обнаруживая рассогласованность между означающим и означаемым. Оказание психического воздействия на адресата с бенефактивной целью в терминах семиотики может быть описано как конфликтное взаимодействие двух сторон знака, где форма, означающее, одного знака (предложение) может коррелировать с содержанием, означаемым, другого (шантаж):

So, you are blackmailing me?

I prefer to think of it as helping to make you come to a decision more easily [17] /

Итак, Вы меня шантажируете?

Я предпочитаю думать об этом, как об оказании Вам помощи в более легком принятии решения.

В зависимости от правил интерпретации знак может быть проинтерпретирован и как символ, и как индекс.

Итак, планом содержания или означаемым, мыслительным соответствием референту знака-ситуации «Шантаж» является актуализирующийся в ситуации коммуникативного взаимодействия смысл шантажа, где имеет место быть абсолютная актуализация знака, являющая прагматические закономерности функционирования языковых единиц, объективирующих смысл «шантаж», поскольку смыслы, определяющие форму существования знаков в актуальном коммуникативном взаимодействии, всегда ситуативно обусловлены; а планом выражения или означающим – комплекс языковых и неязыковых средств его репрезентации.

Поскольку переход от языковых значений компонентов высказывания к их речевым смыслам требует интерпретативных усилий адресата, любые формы речевого общения содержат элементы непрямої коммуникации. Шантаж как один из видов непрямої коммуникации имеет своей целью формировать данные усилия в желательном для адресанта (шантажирующего) направлении, где роль неязыковых средств коммуникации определяется как одна из главных.

Областью референции знака-ситуации «Шантаж» выступает совокупность интеракций, где для идентификации феномена шантажа требуются определенные интерпретативные усилия со стороны адресата или интерпретатора, так как план содержания знака-ситуации осложнен набором множества смыслов. Область референции данного знака-ситуации обширна и варьируется от ситуации прямого указания на шантаж до ситуаций не прямой коммуникации, где смысл шантажа вычленяется только из суммы всех условий, необходимых для его идентификации. Расширение области референции знака-ситуации «Шантаж» продуцирует увеличение количества скрытых смыслов, приводя к размытости данного знака.

Список литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 368 с.
2. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / пер. с франц.; под. ред. Ю. С. Степанова. М.: Наука, 1974. 447 с.
3. **Бондарко А. В.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Предметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование: сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. С. 54-61.
5. **Иванова Т. В.** О знаковой ситуации и знаке ситуации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия Филология. 2013. Т. 7. № 2. С. 46-59.
6. **Иванова Т. В.** Шантаж и манипуляция: точки соприкосновения // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сборник научных трудов к юбилею профессора Лии Матвеевны Ковалевой / отв. науч. ред. проф. М. В. Малинович. Иркутск: ИГЛУ, 2012. С. 58-67.
7. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
8. **Моррис Ч. У.** Основания теории знаков // Семиотика: Антология: сб. ст. / сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-97.
9. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 288 с.
10. **Пирс Ч. С.** Избранные философские произведения / пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.
11. **Сусов И. П.** Семиотические истоки прагматики // Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс]. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmb.html> (дата обращения: 25.09.2015).
12. **Топка Л. В.** Классический и прототипический подходы к исследованию поведенческой ситуации // Русский язык за рубежом. 2014. № 6 (247). С. 85-90.
13. **Топка Л. В.** Семиотическое пространство константы внутреннего мира человека // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков: материалы Междунар. конф. к 100-летию заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора А. В. Кунина (22-23 апреля 2009 г.). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 167-170.
14. **Топка Л. В., Абрамова М. В.** Поведенческая ситуация «Шантаж» через призму не прямой коммуникации // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. 2007. № 3. С. 174-196.
15. **Чагинская Е. А.** Семантическая структура слова в традиционной лингвистике и в концепции А. Ф. Лосева: опыт поиска соответствий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 265-272.
16. **Шарова И. Н.** Эволюционно-семиотические ряды в языке и культуре (на рубеже XIX-XX вв.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. 2. С. 194-198.
17. **Blackmail** // TV[Tropes [Электронный ресурс]. URL: <http://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/Blackmail> (дата обращения: 24.09.2015).
18. **Halliday M. A. K.** Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. L.: Arnold, 1978. 256 p.
19. **Nations G., Sarnoff E.** Lost / Egg town Transcript // Lostpedia [Электронный ресурс]. URL: http://lostpedia.wikia.com/wiki/Egg_town_transcript (дата обращения: 24.09.2015).
20. **Roberds B.** Soap on a Rope // Blackmail Is Such an Ugly Word [Электронный ресурс]. URL: http://allthetropes.wikia.com/wiki/Blackmail_Is_Such_an_Ugly_Word (дата обращения: 24.09.2015).
21. **Sheldon S.** Memories of Midnight. Warner Books, 1991. 405 p.

THE SIGN-SITUATION “BLACKMAIL”: REFERENCE AREA

Topka Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ivanova Tat'yana Vasil'evna

Eurasian Linguistic Institute (Branch) of Moscow State Linguistic University in Irkutsk
lavtop@list.ru; kjaerlighet.86@mail.ru

In the article the sign-situation “blackmail” and its lexeme-representative are considered. The reference area of this sign-situation is the combination of communicative interactions where the identification of the situation as the blackmail requires some interpretive efforts by the addressee or the interpreter, as the plan of its (the sign) content is complicated by the variety of meanings, while the presence of the lexeme blackmail in the plane of its expression is optional.

Key words and phrases: sign-situation; reference area; blackmail; interpretant; invariant meaning.